РѢЧЬ

О

НЕВЕЩЕСТВЕННОМЪ КАПИТАЛѢ

(CAPITAL IMMATÉRIEL),

КАКЪ ОДНОМЪ ИЗЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ОСНОВАНІЙ

ГОСУДАРСТВЕННАГО БЛАГОСОСТОЯНІЯ

И

НАРОДНАГО БОГАТСТВА,

ЧИТАННАЯ

НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ АКТѢ,

ПОСЛѢ ОТКРЫТЫХЪ ИСПЫТАНІЙ

ВЪ МОСКОВСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ,

Іюля 9 дня, 1828 года,

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ,

Дѣйствующимъ Членомъ состоящаго при оной Академіи Общества Любителей Коммерческихъ знаній; Дѣйствительнымъ Членомъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Санктпетербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности и Казанскаго Общества Любителей Отечественной Словесности.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1828.

— Les lois qui règlent le mouvement des astres, sont l'objet d'une étude justement honorée, bien que nous ne puissions pas exercer la plus petite influence sur la marche des planètes, et qu'elles n'aient qu'un rapport très-faible et très-indirect avec notre bien-être. Mais les lois qui président à la marche de la société, qui font qu'un peuple avance vers la prospérité ou recule vers la barbarie, ont des rapports directs avec notre condition et nous éclairant sur les moyens de la rendre meilleure, doivent nous intéresser bien plus vivement.

Мак-Коллокъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюня 27 дня 1828 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

КНЯЗЮ

ДМИТРІЮ ВЛАДИМІРОВИЧУ

ГОЛИЦЫНУ,

ПОПЕЧИТЕЛЮ

МОСКОВСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

И ПРЕЗИДЕНТУ

СОСТОЯЩАГО ПРИ ОНОЙ АКАДЕМІИ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ,

въ знакъ истиннаго почтенія

посвящаетъ

Сочинитель.

ММ. ГГ.

Вы стеклись въ сей храмъ наукъ, движимые чувствомъ любви къ отечеству; вы хотѣли видѣть успѣхи юныхъ воспитанниковъ сего заведенія, дабы судить потомъ о надеждахъ отъ сего разсадника, въ коемъ ученіе образуетъ умы и души юныхъ сыновъ Россійскаго Купечества. Какъ членъ Купеческаго сословія, еще болѣе, какъ участникъ въ дѣлѣ, коего цѣль и исполненіе заслужили лестное одобреніе ваше, почитаю первою обязанностію, отъ лица Практической Коммерческой Академіи и участниковъ ея, благодарить васъ, ММ. ГГ. — Въ твердой увѣренности, что намѣренія наши чисты и благи, мы стремимся безпрестанно къ распространенію и улучшенію учебнаго заведенія, коего воспитанниковъ видите вы здѣсь, пользу коего предоставляемъ мы обнять благосклонному вниманію вашему.

Взирая, ММ. ГГ., съ радушнымъ участіемъ на успѣхи воспитанниковъ Практической Коммерческой Академіи, вы позволите намъ сказать, что мы сами вполнѣ чувствуемъ слабость нашихъ усилій, и только въ той высокой цѣли,

которой спараемся достигнуть, находимъ мы себѣ оправданіе; только въ томъ пламенномъ участіи, какое каждый Русскій приемлетъ во всемъ, что касается славы, чести, величія, счастія любезнаго всѣмъ намъ отечества, мы осмѣливаемся искать причинъ вашему одобренію, вашему снисхожденію.

Чувствую, что могу возбудить нѣкоторую недовѣрчивость, говоря съ такою увѣренностію о цѣли заведенія, въ коемъ воспитываются дѣти купцовъ Русскихъ, о предпріятіи нашемъ дать имъ средства къ возможному образованію.

Въ почтенномъ собраніи, среди коего осмѣлился я возвысить голосъ мой, не вижу недовѣрчиваго сомнѣнія. Здѣсь сановники церкви, отличенные духомъ смиренномудрія и любви, высокіе вѣрою и вмѣстѣ познаніями; здѣсь герои, подвизавшіеся на поляхъ брани, и вмѣстѣ мужи совѣта; здѣсь вы, почтенные сограждане мои, обогащающіе дѣятельностію торга и промышленности отечество — и во всѣхъ взорахъ, на всѣхъ лицахъ вижу одно чувство удовольствія, при взглядѣ даже на слабые успѣхи юныхъ воспитанниковъ. Не говорю о васъ, родители, съ радостною надеждою взирающихъ на милыхъ сердцамъ чадъ вашихъ. Но можетъ быть вы, и всѣ мы, обольщены мечтою, и при настоящемъ торжествѣ учебнаго заведенія ослѣпляемся мгновенною, льстивою надеждою на добро, какое должно произойдти отъ ученія, образованія, просвѣщенія умовъ и сердецъ юношества; можетъ быть, сіе обманчивое наслажденіе исчезнетъ при строгомъ судѣ ума, при повѣркѣ опыта? Такое сомнѣніе тягостно сердцу, если въ самомъ дѣлѣ оно увлечено блестящимъ, но — ложнымъ призракомъ!

Отъ чего-же, изъ всѣхъ общественныхъ собраній, ни одно не услаждаетъ насъ такимъ независимымъ ни отъ чего удовольствіемъ, какъ собраніе въ храмѣ наукъ, какъ зрѣлище юныхъ питомцовъ, являющихъ намъ свои успѣхи въ ученіи, образованіи, просвѣщеніи? Здѣсь нѣтъ ни шумнаго веселія, ни блестящаго разнообразія пировъ, ни торжественнаго позорища другихъ увеселеній; а какъ часто слезы радости блистаютъ на глазахъ, веселіе наполняетъ душу, удовольствіе услаждаетъ сердце! Мы чувствуемъ, что есть здѣсь *нѣчто истинное, доброе, изящное*, присутствіе чего радуетъ, веселитъ, счастливитъ насъ. Повѣримъ-же тайному голосу сердца, если еще не убѣжденъ товарищъ его умъ, повѣримъ— и не уже-ли обманемся въ истинѣ внушеній сердца? Нѣтъ! нѣтъ! въ самыхъ важнѣйшихъ истинахъ, насъ столько-же убѣждаетъ сердечное чувство наше, сколько и изслѣдованія ума; важнѣйшія истины бываютъ внушены чувствомъ, прежде нежели умъ убѣдится въ нихъ и докажетъ ихъ. Высшая степень совершенства конечно та, на которой мирится неопредѣленное чувство съ познаніемъ умственнымъ. Дикарь ощущаетъ потребность законовъ и покоряясь единому убѣжденію сердца, подчиняетъ волю свою власти; мы убѣждаемся умомъ въ необходимости законовъ и въ слѣдствіе сего убѣжденія смиряемъ горделивую волю свою, подчиняемъ дѣйствія наши законамъ, для блага общаго и собственно нашего; дикарь ниже насъ, мы выше его: но и въ немъ таится уже начало истиннаго понятія о законѣ, созрѣвшее въ душахъ нашихъ и приносящее плоды въ бытѣ общественномъ. Такъ, и въ томъ сердечномъ наслажденіи, которое мы ощущаемъ при видѣ успѣховъ дѣ-

шей нашихъ въ наукахъ и образованіи, заключено великое чувство *необходимости просвѣщенія*, необходимости, ММ. ГГ., столь-же важной для счастія нашего, сколь важны всѣ другія блага, открытыя человѣкомъ въ общественной его жизни, доказанныя строгимъ судомъ ума и опытомъ вѣковъ.

Необходимость просвѣщенія.... какія слова осмѣлился я произнесть! «Неуже-ли сія истина должна быть доказы-«ваема», скажутъ мнѣ, «и кто не увѣренъ въ ней? Кто осмѣ-«лится возжечь пламенникъ разрушенія и истребить создан-«ное просвѣщеніемъ въ мірѣ? Кто помыслитъ сокрушить «зданіе наукъ, съ высоты коего человѣкъ обозрѣлъ вселен-«ную и убѣдился въ собственномъ достоинствѣ и величіи? «Кто разорветъ струны на лирахъ поэтовъ, потушитъ «лампаду философа и погубитъ опыты предковъ, погру-«зивъ потомство въ мракъ невѣжества, изъ коего столько «тысящелѣтій стремился исторгнуться человѣкъ?» Умолкните, защитники просвѣщенія: бытописанія докажутъ вамъ заблужденіе ваше и ошибку! Раскройте предъ собою вѣчныя скрижали Исторіи, посмотрите на гоненія, какія испытывало просвѣщеніе, и въ тѣ даже времена, когда человѣкъ не смѣлъ уже явно отвергнуть его, и шаталъ крѣпкіе столпы его храма, какъ слѣпой вождь Израиля, зная, что съ паденіемъ ихъ, все зданіе можетъ пасть и его самого задавитъ въ своихъ развалинахъ! Не будемъ тревожить праха вашего, краснорѣчивые софисты, противники просвѣщенія: не смотря на усилія ваши, не смотря на бѣдствія, гоненія, туманъ, распилавшійся иногда надъ царствами и народами, просвѣщеніе жило безсмертною жизнію, предводило

человѣческій родъ, вiясь темнымъ облакомъ въ часы дня, и горя пламеннымъ столпомъ во время ночи, передъ пришлецами земли.

Но вѣря добру, человѣкъ хочетъ чтобы ему доказали пользу добра, и тогда только познаніе человѣческое бываетъ крѣпко, сильно и неизмѣнно, когда умъ человѣка убѣжденъ въ истинѣ.

Много было донынѣ говорено въ пользу просвѣщенія; предѣлы разсужденія нашего не позволяютъ намъ изложить здѣсь даже самыхъ главныхъ возраженій противниковъ и важнѣйшихъ опвѣтовъ защитниковъ его. Позвольте только, ММ. ГГ., представить Вамъ здѣсь нѣсколько мыслей, можетъ быть, новыхъ, можетъ быть способныхъ къ поясненію предмета насъ занимающаго, болѣе, нежели краснорѣчивыя творенія поэтовъ и ораторовъ, возстававшихъ на защиту и на преслѣдованіе просвѣщенія. Мы извлечемъ предположенія и доводы наши изъ опытовъ и того знанія, которое образовалось въ половинѣ прошедшаго вѣка и получило имя *Политической Экономіи* (*). Сіе знаніе не заключаетъ въ себѣ ничего обольщающаго умъ: въ немъ нѣтъ блеска поэзіи и ораторіи;

(*) Это названіе оказывается довольно несвойственнымъ для предмета, при нынѣшнемъ его состояніи, особливо если сей предметъ разсматривается съ той стороны, съ какой я почитаю необходимымъ его разсматривать. Собственно слово: *экономія*, есть Греческое и его можно выразить Русскимъ словомъ: *домоустройство*. Давно уже предлагали названіе *Политической Экономіи* замѣнить словомъ: *Онсологія* или *Хрематономія*. Номенклатура наукъ остается старая, не смотря на измѣненіе самыхъ наукъ, и отъ этого часто, между названіемъ и сущностью науки, видимъ явное противорѣчіе.

оно говоритъ уму, требуя строгаго суда его. Оно важно въ глазахъ каждаго мыслящаго человѣка, каждаго гражданина, ибо занимается не отвлеченными теоріями, но дѣйствительностію общественной жизни, ведетъ не къ блестящимъ гипотезамъ, но къ существенному благосостоянію, путемъ не предположеній и догадокъ, но опыта и положеній, въ точности равныхъ выводамъ математическимъ.

Просвѣщеніе не только полезно, но необходимо для блага общественнаго. Сію истину, ММ. ГГ., полагаю краеугольнымъ камнемъ сего разсужденія; но скажу ее другимъ образомъ, выражаясь словами того знанія, изъ коего осмѣливаюсь взять доводы сей истины: *просвѣщеніе есть главнѣйшее основаніе благосостоянія каждаго государства, ибо оно составляетъ часть народнаго богатства, болѣе важную, нежели богатство вещественное; оно есть невещественный капиталъ, безъ коего капиталъ вещественный не только маловаженъ, но совершенно ничтоженъ.*

Употребивъ сіи выраженія, осмѣливаюсь замѣтить, что они показываютъ взглядъ совсѣмъ не съ той точки зрѣнія, съ коей обыкновенно разсматриваютъ просвѣщеніе. Намъ говорятъ объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ занятіемъ науками, о наслажденіи, какое даютъ намъ чувствованіе творенія изящныхъ искусствъ и поэзіи: мы разсматриваемъ не сіи только слѣдствія, немогущія быть общими. Намъ должно изъяснить болѣе общее, болѣе объемлющее. Раскройте предъ собою все обширное поприще наукъ, знаній, свѣдѣній и искусствъ, вообразите все, что развиваетъ намъ идеи истины, добра и изящества, все, отъ грубыхъ понятій земледѣла о способѣ удобренія земли, до астрономіи, пока-

зующей мореплавателю путь среди безвѣстнаго океана, отъ искусства, научающаго дикаря ставить сѣть для добычи хищнаго звѣря, до сложной машины механика, движущей тысячи колесъ нѣсколькими ведрами кипящей воды: все это принадлежитъ просвѣщенію, ибо всякая наука, всякое свѣдѣніе есть часть просвѣщенія, рожденная умомъ, коимъ человѣкъ отличается отъ всѣхъ другихъ твореній Бога на землѣ.

Человѣкъ, еще не думая о высшемъ развитіи своихъ способностей, ищетъ добра самому себѣ. Сіе искомое онъ сочувствуетъ въ наслажденіи, коего ощущаетъ потребность, ограничивая ее сначала грубыми вещественными дѣйствіями. Но человѣкъ отличенъ Божественнымъ дхновеніемъ, одаренъ безсмертною душою. Сія внутренняя сторона человѣка сначала кроется во мракѣ вещественной стороны его; но кроется, какъ молнія въ тучѣ, разрѣшающейся благотворнымъ дождемъ, какъ плодъ въ зернѣ, развивающійся для питанія и поддержанія всего живущаго. Напрасно думали, что человѣкъ случайными опытами приобрѣлъ внутреннее чувство добра и изобрѣлъ изящныя искусства подражаніемъ природѣ: основныя идеи всего истиннаго, благаго и прекраснаго хранились въ душѣ его съ самаго созданія перваго человѣка. Первобытно онѣ побуждали его искать вещественныхъ удовлетвореній; но вещественныя удовлетворенія только совершенствуютъ душевное развитіе: таковъ таинственный союзъ вещественнаго съ невещественнымъ! Тѣло и душа человѣка въ здѣшнемъ мірѣ связаны союзомъ неразрывнымъ и не существуютъ отдѣльно, до тѣхъ поръ, пока волѣ Бога угодно бываетъ разрушить сію связь, исплить

тѣло— и на кострѣ тлѣнія, какъ феникса, возставитъ безсмертную душу, для другой, безконечной жизни. Но приготовляя насъ къ будущей жизни, Творецъ показуетъ намъ поприще здѣшней жизни, и Его благость содѣлала здѣшній міръ не плачевною юдолью испытанія, нѣтъ— Всесовершенный совершенъ вездѣ и во всемъ! Созерцая въ Откровеніи безсмертіе души, человѣкъ здѣсь готовитъ плоды будущей жизни, какъ гость входитъ на великолѣпный пиръ природы и предчувствуетъ безсмертіе въ дольней жизни. И здѣсь на землѣ ничто не умираетъ изъ того, что содѣлаетъ безсмертная душа человѣка: ни одна благая мысль, ни одно доброе дѣло, ни одинъ подвигъ ко благу человѣчества. Сей законъ неизмѣнно впечатлѣнъ въ насъ: онъ укрылъ насъ отъ свирѣпости стихій, онъ покорилъ намъ силы и хищность животныхъ, онъ соединилъ людей въ общества, онъ оградилъ насъ законами.

Но по неразрывной связи дѣйствій души съ дѣйствіями вещественности, человѣкъ, повторяемъ, ищетъ благъ душевныхъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ вещественными благами. Отъ сего происходитъ горестное заблужденіе тѣхъ, въ комъ не уравнены стремленія къ обоимъ родамъ потребностей. Въ комъ вещество побораетъ душу, тотъ прилѣпляется къ вещественности и юродствуетъ въ грубыхъ наслажденіяхъ. Въ цѣломъ-же человѣчествѣ вещественность и духъ уравниваются во взаимной борьбѣ, и побѣда души является въ постепенномъ *усовершенствованіи человѣчества.*

Совершенствованіе человѣчества не мечта, но истина, доказанная умомъ и Исторіею человѣка. Только поверхностное сужденіе можетъ внушать извѣстный парадоксъ,

что *опыты отцовъ гибнутъ для дѣтей*. Если разсматривать каждаго человѣка отдѣльно, можемъ нѣсколько вѣрить сему ложному мнѣнію; но распространивъ обзоръ нашъ на нѣсколько поколѣній, увидимъ несправедливость его — и совершенно убѣдимся въ противномъ, когда разсмотримъ исторію нѣсколькихъ вѣковъ, нѣсколькихъ народовъ, всю исторію, все человѣчество.

Міръ и все въ мірѣ живетъ разрушаясь и разрушаясь живетъ. Если будемъ смотрѣть на одно разрушеніе, не видя въ немъ вѣчнаго пламени жизни, мы впадемъ въ грубый матеріялизмъ. Мысль о жизни человѣчества, о томъ, что разрушеніе явленій есть только средство къ новымъ явленіямъ, что грядущее совершеннѣе настоящаго, какъ настоящее совершеннѣе прошедшаго — сія мысль есть источникъ добра, огнь, согрѣвающій душу человѣка въ временныхъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ: ею оправдывается воля Творца, поставившаго здѣсь зло подлѣ добра, смерть соединившаго съ жизнію, ибо иначе мы не имѣли-бы понятія ни о добрѣ, ни о жизни.

Да не почтутъ всѣхъ сихъ разсужденій непринадлежащими къ нашему предмету. Мы обращаемъ наши выводы къ гражданскимъ обществамъ. Защищеніе самихъ себя, необходимость общественной жизни, убѣжденіе въ томъ, что только въ обществѣ человѣкъ являетъ все свое достоинство, создали гражданскія общества и царства. Здѣсь человѣкъ, дѣйствуя какъ сынъ, супругъ, отецъ, увидѣлъ необходимость дѣйствовать, какъ гражданинъ; здѣсь необходимость довела его до раздѣленія званій, властей, породила безчисленное множество отношеній, законовъ, общественныхъ

условій. Человѣкъ убѣдился, что для счастія своего, онъ долженъ покоряться законамъ и установленной власти, нести обязанности, трудиться, содѣйствовать счастію другихъ, если хочетъ жить безопасно, спокойно, благоденственно. Здѣсь умъ его сообразилъ и привелъ въ системы всѣ различныя отношенія; сіи системы образовали собою познаніе правъ, познаніе отношеній общественныхъ, познаніе обязанностей. Наконецъ образовалось истинное познаніе и о вещественномъ богатствѣ человѣка, нынѣ вступившее уже въ рядъ важнѣйшихъ свѣдѣній человѣческихъ.

Легко усмотрѣть причины, почему сіе важное знаніе образовалось послѣ другихъ. Человѣкъ долженъ былъ испытать и видѣть многое, все, если смѣемъ такъ сказать, прежде нежели извлекъ онъ истинныя понятія о томъ, какъ вещественныя блага содѣйствуютъ истинному счастію человѣка. Для сего должно было устроиться полному общественному порядку, раздѣлиться званіямъ, образоваться многимъ наукамъ.

Всѣ вещественные предметы, приобрѣтаемые человѣкомъ, необходимы для удовлетворенія его потребностей. Удовлетвореніе потребностей создало пищу, питье, одежду, жилища наши, и явило намъ идею о *богатствѣ*, семъ обольстительномъ предметѣ, коего стремятся всѣ достигнуть, всѣ, въ комъ не потухла дѣятельность жизненная. Собственно богатство есть *довольство*. Иначе не можемъ объяснить значенія сего таинственнаго слова. Требованій человѣка ничѣмъ ограничить не возможно; собственно-же, богатъ тотъ, кто доволенъ. Человѣкъ, издерживающій 1000 изъ 2000 дохода, богаче человѣка получающаго 100,000 и издерживающаго 120,000. Но совершенное

довольство, такое состояніе, въ которомъ человѣкъ пересталъ-бы желать и стремиться къ изобрѣтенію новыхъ потребностей, было-бы уничтоженіемъ человѣка, и въ семъ-то безпрерывномъ, ненасытимомъ желаніи потребностей заключается тайна жизни общественной. Ничто не удовлетворяетъ человѣка; но какъ шаръ, привязанный на снуркѣ, катится вокругъ, удерживаемый въ центрѣ, такъ стремленіе человѣка удерживается препятствіями. Онъ хочетъ побѣдить ихъ — и вотъ тайна чудеснаго механизма обществъ, дѣленія званій, состояній, отношеній общественныхъ.

Какъ премудро и вмѣстѣ просто движется сія многосложная машина! Для того, чтобы человѣку, въ Москвѣ живущему, выпить чашку кофе, корабли плывутъ въ Америку, въ Индію; для того, чтобы ему разрѣзать ножемъ пищу, одни спускаются въ землю извлекать металлъ, другіе везутъ его изъ за тысячи верстъ, третьи дѣлаютъ ножъ, четвертые продаютъ его.

Но измѣняясь постепенно и совершенствуясь, человѣкъ далъ особенное опредѣленіе богатству. Онъ назвалъ симъ словомъ запасъ удобствъ для жизни. Желаніе: не только удовлетворять потребности въ настоящее время, но имѣть средства удовлетворять ихъ и въ будущемъ, родило желаніе умножать запасъ сей. Разнообразіе удовлетвореній родило *торговлю*, т. е. мѣну средствъ удовлетворенія. Торговля образовала *цѣнность* вещей; цѣнность побудила установить условные знаки, могущіе служить мѣриломъ цѣнности: здѣсь происхожденіе *денегъ*. Вмѣстѣ съ образованіемъ идеи о богатствѣ, явилась противоположность ея —

идея *бѣдности*, средства отвращать бѣдность и раздѣленіе нуждъ и труда.

Но дабы разрѣшить сіи простыя истины въ практикѣ, потребны были человѣку цѣлые вѣка, и по разрѣшеніи ихъ, *увидѣли возможность* составить теорію того, *что* и *какъ* составляетъ богатство.

Государство есть обширное семейство, такъ, какъ семейство каждое есть небольшое государство. Всякій изъ насъ, стремясь пріобрѣсть богатство, богатитъ государство, и такимъ образомъ *богатство частныхъ людей* составляетъ *государственное богатство*. Какъ въ семействѣ не всѣ занимаются однимъ, и каждый членъ семейства, по склонности, по обстоятельствамъ, принимаетъ на себя какую нибудь обязанность, такъ и въ государствѣ каждое званіе, каждый членъ его.

Ошибочныя мнѣнія вовлекали людей въ множество противорѣчій. Долго думали, что сила есть основаніе богатства: народъ, который могъ отнимать у другихъ, считалъ себя богатымъ. Несправедливость сего мнѣнія доказалъ опытъ. Долѣе всѣхъ заблужденій касательно богатства, держалось ложное мнѣніе, что *деньги составляютъ богатство*. Наконецъ всѣ заблужденія сіи сгорѣли въ пламени ума.

Нынѣ убѣдились уже люди, что *деньги* есть только *условные знаки предметовъ, потребныхъ человѣку*, и что предметъ, за который можно получить деньги, есть такое-же богатство, какъ и деньги, которыя можно вымѣнять за предметъ: онъ только *цѣнится* на деньги,

какъ на обще-условленную единицу, а чему есть уравнительная цѣна, то взаимно продается и покупается.

Здѣсь раскрылось, что основаніе всего составляетъ *трудъ*, посредствомъ коего человѣкъ *производитъ цѣнность* (т. е. *предметы имѣющіе цѣнность*). Но *какъ* производится цѣнность, *что* производитъ цѣнность, и какимъ образомъ трудъ дѣлаетъ гражданина и государство богатыми? Вотъ вопросы, долго затруднявшіе человѣка.

Рѣшеніе ихъ хотѣли извлечь совершенно изъ теоріи. Разсмотрѣли, что человѣкъ *пріобрѣтаетъ цѣнность* для того, чтобы потребить ее, но что произведеніе собственно-богатства, составляетъ только излишекъ, остатокъ отъ потребленнаго. Представьте себѣ земледѣльца: онъ трудится и получаетъ извѣстное количество произведеній. Положимъ, что сіе количество цѣнится въ 1000 рублей. — Земледѣлецъ прежде всего отложитъ изъ произведенія своего необходимое для потребленія своего съ семьею; ограничимъ это необходимое *половиною* всего имъ произведеннаго. Остальное онъ продаетъ, и получаетъ 500 рублей; но ему надобно обуви и одежды на 200 рублей, и онъ отдаетъ за одежду и обувь 200 руб., слѣдовательно, въ теченіе года, земледѣлецъ хотя и *получилъ* 1000 рублей, но *потребилъ* изъ нихъ хлѣбомъ и деньгами 700 рублей, и такъ онъ *произвелъ* цѣнности, умножившей собою *капиталъ государства*, 300 рублей. Онъ *производитель*, умножающій трудомъ своимъ капиталы, хотя и потребляетъ каждогодно нѣсколько производимой цѣнности.

Послѣ сего требовалось вѣрнѣе означить: кто въ благоустроенномъ государствѣ бываетъ *производитель*.

Само по себѣ разумѣется: производители суть тѣ люди, которые *производятъ цѣнность*. Цѣнность сія означается *капиталомъ*, т. е. тѣми предметами, на которые можно вымѣнять деньги. Такимъ образомъ къ числу производителей причислены были *всѣ производители вещественныхъ капиталовъ*.

Но есть люди, которые совсѣмъ не имѣютъ капиталовъ. Правда, они не имѣютъ ихъ, но они трудятся употребляя капиталы другихъ, и пріобрѣтаютъ себѣ за трудъ часть производимой цѣнности. Таковы работники, трудящіеся изъ платы; таковы капиталисты, ссужающіе другому принадлежащую имъ цѣнность, дабы тотъ, кому они ссудили ее, произвелъ *новую цѣнность*.

До сихъ поръ теоретики разрѣшали хорошо; но они остановились на тѣхъ званіяхъ, на тѣхъ людяхъ, которые *совсѣмъ не имѣютъ капиталовъ и не производятъ трудомъ вещественной цѣнности, а потребляютъ ее, такъ-же какъ и производители*. Послѣ долгихъ сужденій, многіе изъ теоретиковъ рѣшили, что люди, непроизводящіе вещественной цѣнности, суть безполезные члены общества, и осудили на безполезность цѣлыя званія: всѣхъ ученыхъ людей, артистовъ, художниковъ, литтераторовъ. Другіе не остановились на этомъ: что производитъ, говорили они, судья, воинъ, чиновникъ? Ничего; они потребляютъ цѣнность, не умножая оной, уменьшаютъ только капиталъ государственный, и слѣд. они *только потребители, они безполезны!*

Трудно повѣрить, что подобныя понятія были повторяемы и принимаемы, какъ истины.

Здѣсь открывалось новое торжество противникамъ просвѣщенія. Къ чему-же ваши знанія, къ чему ваши науки? спрашивали они, указывая на теоріи экономистовъ. Опроверженіе такихъ нарѣканій будетъ рѣшительнымъ ударомъ симъ зловѣщимъ птицамъ, накликающимъ разрушеніе на общественное устройство.

Можно-ли вѣрить теоріи, если сія теорія не сходна съ тѣмъ, что существуетъ въ дѣйствительности? Не значитъ-ли, что сія теорія несовершенна, если она несогласна съ существующимъ въ дѣйствительности, и почему не извлечь теоріи изъ того, что есть, и отвергать существующее, только-бы какимъ нибудь образомъ оправдать свою теорію?

Спрашиваемъ: отъ чего произошло раздѣленіе званій? Отъ необходимости раздѣлить занятія и труды. Ткачъ легче и больше сработаетъ, если земледѣлецъ посѣетъ и сожнетъ для него ленъ, прядильщикъ приготовитъ изъ него нитки, а купецъ придетъ въ мастерскую ткача и купитъ у него выработанную имъ ткань. Всякій изъ нихъ получитъ привычку къ своему занятію, будетъ знать время, средства, удобство своего отдѣльнаго дѣла, и взаимно помогая другъ другу, они всѣ *производятъ*, хотя ни у одного изъ нихъ не будетъ капитала, но кто нибудь имѣющій капиталъ, ссудитъ его имъ всѣмъ. Этотъ капиталистъ будетъ *также производитель*, хотя самъ лично и не работаетъ: за него работаетъ *капиталъ*.

Здѣсь важное дѣло открывается для разсмотрѣнія: съ одной стороны видимъ человѣка, который *работаетъ капиталомъ*, т. е. употребляетъ капиталъ въ замѣну лич-

наго труда ; съ другой , людей , которые *работаютъ безъ капитала,* замѣняя его трудомъ, т. е. у нихъ *трудъ замѣняетъ капиталъ*. И вотъ уже два различія производителей !

Но дабы оградить свой трудъ и капиталъ отъ нечаяннаго вреда и злоумышленій, сіи производители нанимаютъ сторожа, который караулитъ ночью, когда они отдыхаютъ послѣ работы : иначе могутъ у нихъ погибнуть трудъ и капиталъ ; они застраховываютъ свой трудъ и капиталъ *отъ огня:* иначе они потеряютъ въ пожарѣ свой капиталъ и трудъ ; они нанимаютъ служителя, который готовитъ имъ обѣдъ , пока они занимаются произведеніемъ капитала : иначе , занявшись пригоповленіемъ обѣда , они упустятъ приращеніе капиталовъ. Вотъ сторожъ , страховщикъ , поваръ , люди собственно непроизводящіе капитала , но трудящіеся. Производители - ль сіи люди ? Нѣтъ сомнѣнія, хотя они и не участвуютъ прямо ни капиталомъ, ни трудомъ. Экономисты допускаютъ ихъ въ число производителей, говоря, что они оказываютъ *производящія услуги* (service productif).

Но всѣ производящіе и услуживающіе составляютъ общество, которое называется *государствомъ*. Тѣ и другіе суть члены его. Какъ въ производствѣ частнаго капитала необходимъ былъ сторожъ , маклеръ , поваръ, страховщикъ , не нужны-ли будутъ и государству люди , которые исключительно занимались-бы услугами цѣлому обществу, и которымъ общество платило-бы также за услуги ихъ : воинъ , который стерегъ-бы государство отъ непріятеля , могущаго разгромить капиталы и труды

производителей; судья и полицейскій чиновникъ, которые оберегали-бы производителей отъ покушеній злоумышленника и преслѣдованіемъ виновнаго въ злоумышленіи отвращали-бы гибель труда и капитала? Всѣ сіи люди существуютъ въ обществѣ и ничего не производятъ; но общество производителей жертвуетъ имъ частію произведеннаго, дабы ихъ услугою доставить себѣ средства производить мирно, безопасно и прочно. Не явное-ли заблужденіе признать услуги охранителей общественнаго благосостоянія *не-производящими?*

Здѣсь еще экономисты нѣсколько останавливаются; но пойдемъ далѣе. Мы встрѣчаемъ лекаря, ученаго человѣка, музыканта, танцовщика, стихотворца. Производители-ль сіи люди? Трудно себѣ представить всю сбивчивость и разнообразіе мнѣній, касательно сихъ званій и состояній. Экономисты входятъ по сему случаю въ метафизическія тонкости и споры, и ничего не рѣшаютъ положительно. Нѣкоторые почитаютъ лекаря оказывающимъ производящія услуги обществу; другіе даютъ сіе преимущество ученому, отвергая его у стихотворца и музыканта. Разсмотримъ основательнѣе.

Мы видѣли, что необходимость удовлетворять потребности человѣка была причиною производства, которое составило капиталы. Слѣдовательно, въ удовлетвореніи потребностей *должно искать начала произведеній*, и все что удовлетворяетъ потребности должно почесть капиталомъ или богатствомъ. Человѣкъ долженъ жить въ обществѣ *для произведенія капиталовъ*. Произведеніе рождаетъ новыя потребности, а потребности рождаютъ но-

выя произведенія. Здѣсь тайна общественнаго движенія и жизни общества. Жизнь въ обществѣ раскрыла и особенныя потребности общественныя, для коихъ надобны были особые производители. Сіи производители суть тѣ люди, которымъ производители богатства отдаютъ часть произведеній вещественныхъ, дабы они защищали, ограждали, хранили ихъ, и тѣмъ споспѣшествовали произведенію вещественныхъ капиталовъ. — Но человѣкъ составленъ изъ тѣла и души. Назовите какъ угодно духовную сторону человѣка: умомъ, душею, жизненнымъ началомъ: дѣло не въ словахъ, но въ томъ, что вещественность не можетъ существовать безъ существованія духовной стороны человѣка; что духъ человѣка также требуетъ пищи, труда, отдыха, удобствъ, наслажденій: такія-же потребности въ немъ, какъ и въ вещественности. Сіи потребности, чѣмъ образуется болѣе общество, тѣмъ становятся обширнѣе, разнообразнѣе, и тѣмъ сильнѣе требуютъ удовлетворенія, т. е. произведенія предметовъ, способныхъ удовлетворить ихъ. Выходитъ, что предметы сіи составляютъ такой-же капиталъ невещественный, каковъ въ существѣ своемъ вещественный капиталъ. Разсмотрите его, и вы увидите, что онъ также требуетъ задаточнаго капитала, труда, непосредственныхъ услугъ, собирается, расточается, сберегается. Сего недовольно: невещественный капиталъ такъ связанъ съ вещественнымъ, что одинъ безъ другаго существовать не могутъ, и только вмѣстѣ дѣлаютъ человѣка истинно-богатымъ.

Капиталъ вещественный составляется посредствомъ различныхъ знаній человѣка, какъ-то: умѣнья обрабатывать

землю, умѣнья пахать, прясть, шить, бѣлить, добывать металлы, ловить рыбу, ковать желѣзо, и т. д. Невещественный также посредствомъ умѣнья дѣлать то или другое, что называется *наукою, знаніемъ, художествомъ, свѣдѣніемъ.* Производитель вещественнаго учится, потомъ производитъ и составляетъ капиталъ; производитель невещественнаго также учится, производитъ и составляетъ капиталъ. Когда платятъ за ученье кузнеца, слѣсаря, ткача, вещественность не переходитъ-ли въ невещественность, ибо, если вы заплатили 1000 рублей за наученье ковать желѣзо, что это значитъ? Значитъ, что человѣкъ, научившійся ковать желѣзо, превратилъ 1000 рублей въ *невещественный капиталъ*, который заключился въ немъ. Когда вещественная 1000 рублей исчезла, а невещественная идея знанія заключилась въ человѣкѣ, ее ни во что не цѣнятъ; согласенъ—но сія идея развилась въ жизни: ученый кузнецъ пудъ желѣза въ издѣліи своемъ продаетъ за 200 рублей. Можно-ли отвергнуть, что все прибавочное къ первобытной цѣнѣ желѣза онъ получаетъ отъ своего невещественнаго капитала? Если такъ, почему-же отвергается сія истина, когда, вмѣсто кованья желѣза, человѣкъ напечаталъ книгу, устроилъ машину? Для напечатанія книги, скажутъ намъ, человѣкъ употребилъ вещественный капиталъ, для устройства машины тоже. Неоспоримо; но вещественный вашъ производитель, кузнецъ, развѣ *произвелъ изъ ничего?* Положимъ, что человѣкъ купилъ шерсти на 10,000, выткалъ сукно и продалъ сіи 10,000 въ сукнѣ за 50,000; 40,000 явилось у него новаго капитала. Сочинитель употребилъ на напечатаніе книги 10,000,

продалъ ее за 50,000 ; машинистъ употребилъ на машину 10,000, продалъ ее за 50,000 : суконщикъ, сочинитель, машинистъ не равный-ли произвели капиталъ, и невещественный капиталъ двухъ послѣднихъ не былъ-ли равенъ вещественному капиталу перваго, хотя послѣдніе работали головою, а первый руками?

«Но все двое послѣднихъ производятъ посредствомъ вещественнаго капитала,» возражаютъ противники, «слѣдственно, ихъ невещественный капиталъ ничего незначитъ. Представьте себѣ государство, населенное судьями, воинами, учеными людьми, стихотворцами, шанцовщиками,» продолжаютъ они, что̀ «приобрѣтетъ это государство, если нѣтъ вещественныхъ производителей, и гдѣ добудетъ оно пищу, одежду, жилище?»

Къ сожалѣнію, сіе нелѣпое возраженіе приводимо было весьма достойными людьми. Представимъ примѣры противоположные.

Поэтъ сочинилъ поэму. Удаляемъ всю вещественность: онъ не употребилъ даже и нѣсколькихъ листовъ бумаги на написаніе своей поэмы; онъ просто помнитъ ее: ему даютъ деньги, съ тѣмъ, чтобы онъ продикціовалъ свою поэму и позволилъ ее напечатать. Какая вещественность родила капиталъ, получаемый поэтомъ? Танцовщикъ прыгалъ по сценѣ театра, получилъ 100,000 рублей и привезъ ихъ въ Парижъ. Какая вещественность подарила Франціи сіи 100,000 рублей?

Вообразить себѣ землю, населенную одними поэтами, музыкантами, судьями, учеными людьми, все равно, что *вообразить вещественность безъ невещественности*, тѣ-

ло безъ духа. Общество существуетъ, когда въ немъ есть капиталы вещественные и невещественные; иначе оно, или еще не составилось, или уже разрушилось. Смѣлость, съ какою противники приводятъ примѣры, позволяетъ и намъ представить примѣръ въ ихъ вкусѣ: вообразимъ себѣ существованіе народа безъ капитала невещественнаго, отдѣливъ всѣхъ мнимыхъ *непроизводящихъ потребителей.* У народа, о которомъ мы говоримъ, нѣтъ судей, но они добры и мирны, говорятъ намъ; нѣтъ воиновъ, но они живутъ на неприступномъ островѣ, гдѣ никто не можетъ напасть на нихъ; нѣтъ лекарей, но они здоровы и крѣпки. Разумѣется, что все это уже совершенныя невозможности, однакожь, согласимся на часъ, хотя и неограничимъ требованій нашихъ: мы отнимаемъ у этихъ мирныхъ, здоровыхъ, неприступныхъ островитянъ *все что произвелъ умъ человѣка,* и что-же они должны отдать? все: платье, жилища, увеселенія, промышленность, торговлю, общественный порядокъ, законы, знанія, и — обнаженные отъ всего—намъ являются Эскимосы, обезьяны, имѣющіе только подобіе человѣка, едва прикрывающіе наготу свою, едва утоляющіе голодъ грубыми ѣствами, и провождающіе время въ чувственныхъ грубыхъ наслажденіяхъ или во снѣ!

Теперь, не ясно-ли, что не только вещественный капиталъ не можетъ существовать безъ невещественнаго, но что вещественный одолженъ своимъ существованіемъ единственно только невещественному капиталу. Еще возраженіе: отъ чего, если въ государствѣ болѣе потребителей непроизводящихъ, нежели производителей, государство бѣднѣетъ? Такъ! но это злоупотребленіе. Вообразимъ про-

тивное, вообразимъ производителей столько, что потребителей будетъ недостаточно, и также бѣдность постигнетъ государство, цѣна труда упадетъ, капиталъ истребится.

Дѣло въ томъ, что вещественность собственно *не производится*, и что все произведеніе человѣка состоитъ только въ *переработываніи вещественности*, которая не гибнетъ и не возраждается вновь, оспается все одна и таже, измѣняя только свои образы и виды. Для удовлетворенія потребностей человѣка надобно придать ей тотъ или другой видъ, и когда сей видъ потребенъ человѣку, онъ дѣлается *цѣнностью*, превращается въ *капиталъ* и является *богатствомъ*. Для чего явилась цѣнность, намъ мало надобности; довольно, что ее *требуютъ*, и мы ни мало не дивимся, когда за блестящій камешекъ платятъ 100,000, за кусокъ желѣза въ видѣ Дамасскаго кинжала 1000 рублей, за клокъ шерсти въ видѣ шали 10,000 рублей.

Видимъ, что собственно-вещественность *ничего не стоитъ*. Драгоцѣннѣйшія вещества: воздухъ, вода, огонь, употребляются нами даромъ. Человѣкъ нагой и безсильный явился въ міръ; что-же отличило его отъ животныхъ, покорило ему стихіи, сдѣлало его царемъ всего свѣта, составило общества, показало ему святыя узы родства, дружбы, любви, произвело счастіе его на землѣ? Духъ его, умъ—сила, въ которой проявился духъ человѣка—умъ показалъ ему средства его и возвелъ его въ достоинство великое, знаменитое. Здѣсь истинный капиталъ, истинное богатство человѣка, и онъ-то придаетъ всю цѣнность вещественности, которую въ ослѣпленіи своемъ люди по-

чипали нѣкогда единственнымъ богатствомъ и капиталомъ. Вещественность мертва безъ невещественности, и единственно въ цѣнности, какую придаетъ ей невещественность, является все величіе, все превосходство образованія и просвѣщенія.

Чувственныя наслажденія наши такъ-же мгновенны, какъ голодъ и жажда, ибо то и другое принадлежитъ каждому человѣку отдѣльно; умственныя наслажденія вѣчны, ибо они принадлежатъ человѣчеству. Наслажденіе-же духа и ума есть истинное счастіе человѣка и человѣчества, и отъ того-то при соединеніи ихъ является такая гармонія, такое спокойствіе и благополучіе. Если умъ не начертаетъ предѣловъ требованіямъ, то гдѣ они ограничатся, что̀ будетъ священно на землѣ? Кто вразумитъ человѣка въ его обязанности? Кто изъяснитъ ему, что одно общее благо есть средство для приобрѣтенія собственнаго блага каждому? Кто покажетъ ему средства приобрѣсть даже вещественное богатство? *умъ*, единый умъ; *науки*—чада его; *усовершенствованіе человѣчества*—высокая цѣль его; *просвѣщеніе*—великія средства его достигнуть сей цѣли!

Ошибка не въ томъ-ли заключается, что въ превратномъ или ограниченномъ смыслѣ принимаютъ слово: *просвѣщеніе*. Часто опредѣляютъ его свѣтскою образованностію, ученостью, даже изученіемъ языковъ и знаніемъ одной какой-либо науки. Всѣ сіи опредѣленія несправедливы и ошибочны, ибо истинное просвѣщеніе относится ко всему, что составляетъ духовную жизнь человѣка и научаетъ его уравнивать вещественную жизнь съ идеями духа. Оно является во всѣхъ образахъ, и ни въ одномъ въ

поже время, какъ душа человѣческая; оно, какъ воздухъ, проникаетъ повсюду: человѣкъ дышетъ умомъ, какъ дышетъ воздухомъ. Всѣ науки, всѣ знанія суть средства познавать Бога, самого себя и природу: далѣе сихъ предѣловъ ничего и нѣтъ. Какъ-же думать, что безъ познанія Бога можетъ убѣдиться человѣкъ въ самыхъ священныхъ истинахъ будущаго и останется непоколебимымъ среди испытаній жизни? Какъ безъ познанія самого себя убѣдиться ему въ своихъ обязанностяхъ къ Государю, къ ближнему, къ самому себѣ, въ обязанностяхъ отца, сына, брата, супруга, человѣка? Какъ безъ познанія природы умѣть употреблять капиталъ вещественный и оживлять его невещественнымъ капиталомъ?

Но неужели всѣ званія, всѣ состоянія должны быть просвѣщены и образованы? Всѣ до единаго, ибо всѣ они производители капиталовъ, граждане общества, всѣ они люди, образъ и подобіе Бога, братья наши. Да и какъ смѣть намъ лишать кого нибудь единственнаго отличія человѣка отъ животныхъ, какъ осуждать на скотоподобіе кого нибудь изъ братьевъ нашихъ! Отъ временъ варварства, когда сила составляла всѣ законы, остался грубѣйшій предразсудокъ, что нисшія званія гражданъ не должны быть просвѣщены. Такъ могъ думать Аттила, когда безстыдно называя себя Мечемъ Бога, онъ деспотствовалъ надъ народами; такъ можетъ думать варварскій повелитель несчастнаго музульманина. Но они думали и думаютъ, что и богатство не должно быть удѣломъ нисшихъ званій, думаютъ, что правительство и высшія званія, оставя самое бѣдное существованіе человѣку, могутъ богатѣть такимъ насиліемъ. Мы знаемъ несправед-

ливость сихъ предположеній, знаемъ, что государь богатъ, когда всѣ его подданные богаты, и бѣденъ, когда они бѣдны. Такъ точно и просвѣщеніе. Въ государствѣ благоустроенномъ, гдѣ все направлено къ общему благосостоянію, нѣтъ опасности просвѣщить народъ. Безразсудно требовать, чтобы поселянинъ зналъ тоже, что купецъ, и чтобы купецъ углублялся въ тайны метафизики: это все равно, если-бы кто нибудь желалъ, чтобы всѣ равно были богаты. Мы сказали, что просвѣщеніе состоитъ не въ томъ, чтобъ быть математикомъ, физикомъ, поэтомъ: оно заключается въ образованіи ума и сердца и — прибавимъ — въ знаніяхъ, необходимыхъ каждому, смотря по его званію, состоянію и обстоятельствамъ. Здѣсь законы ума покажутъ намъ, кого и чему учить должно. Притомъ, не должно думать, чтобы кто нибудь перешелъ за извѣстные предѣлы въ просвѣщеніи: столь-же нелѣпо, предполагать сей излишекъ, какъ предполагать, что просвѣщеніе и ученіе отвлекаютъ человѣка отъ его обязанностей и занятій. Напротивъ, они-то и укрѣпятъ его въ нихъ, ибо съ ними человѣкъ будетъ знать, для чего онъ живетъ и дѣйствуетъ, когда въ невѣжествѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ—самъ не зная для чего.

Мысль, что просвѣщеніе развращаетъ нравы, есть мысль безумная. Смѣло скажемъ, что напротивъ развратъ гнѣздится тамъ, гдѣ обитаетъ невѣжество и бываетъ часто тамъ, гдѣ видна только наружность просвѣщенія, гдѣ мѣдь покрыта золотомъ: ржавчина пороковъ обнаруживаетъ низкій металлъ, но не пристаетъ къ драгоцѣнному металлу. Сынъ вельможи развратенъ, сынъ поселя-

нина то-же ; но *первый просвѣщенъ*, говорятъ намъ. Нѣтъ! въ богатствѣ невещественномъ они равные бѣдняки , ибо сынъ вельможи такой-же невѣжда, какъ и сынъ поселянина. Что за преимущество, если первый изъ нихъ для одной мысли имѣетъ четыре слова изъ четырехъ изученныхъ имъ языковъ, и если онъ умѣетъ двигать ноги подъ музыку : просвѣщеніе начинается съ головы и сердца, а не съ ногъ ; языки иностранные не просвѣщеніе ; пустая голова и сердце , сгнившее отъ того , что его не питало просвѣщеніе — вотъ причины разврата , коего не отвратитъ лоскъ , наведенный на наружность человѣка.

Не могу вообразить себѣ преступленій, сдѣланныхъ единственно для того , чтобы сдѣлать ихъ. Преступленія происходятъ , или отъ необразованности ума и сердца , или отъ невозможности удовлетворять вещественныя потребности. Если человѣку внушено истинное понятіе о богатствѣ , онъ не сдѣлается ни жаднымъ скрягою , ни безумнымъ расточителемъ. Если человѣкъ можетъ заняться чѣмъ нибудь благороднѣйшимъ, изящнѣйшимъ, онъ не убьетъ времени за картами , въ пьянствѣ и въ развратномъ обществѣ. Если изъяснены ему права его и обязанности къ Богу , государю , ближнему и самому себѣ , онъ не оскорбитъ величія Божія, будетъ вѣренъ законной власти , будетъ творить добро ближнему , зная , что безъ взаимности и самъ онъ не увидитъ добра въ мірѣ здѣшнемъ и въ жизни будущей.

Такова высокая , святая цѣль , коей достигаетъ человѣкъ просвѣщеніемъ , науками , образованностію , и постепенное достиженіе къ коей видимъ въ совершенствованіи

человѣчества! Что̀ должно быть слѣдствіемъ усилій человѣчества? Благо всеобщее! Обратимся къ вещественному богатству: оно производится умомъ, умъ образуется просвѣщеніемъ. Богатство, разливая довольство, истребляетъ бѣдность; съ истребленіемъ бѣдности преступленія должны изгладиться съ лица земли, ибо преступленія суть чада невѣжества и порока, а невѣжество есть непросвѣщеніе, — порокъ во зло употребленное или худо понятое стремленіе удовлетворить свои потребности! Кто-же не захочетъ участвовать въ великомъ дѣлѣ совершенствованія человѣчества, и какая радость, если каждый изъ насъ можетъ участвовать въ немъ! Порадуемся-же, ибо сія возможность есть неоспоримая истина. Человѣчество состоитъ изъ всѣхъ насъ; всѣ мы человѣки: стремись *каждый*—и стремленіе будетъ *общее*, стремленіе человѣка, семейства, государства, всего свѣта. Когда добрый семьянинъ поучаетъ дитя свое правиламъ вѣры; когда мирный гражданинъ занятъ усовершенствованіемъ издѣлія; когда воинъ горитъ на солнцѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, поселянинъ влечетъ тяжелый плугъ — всѣ они дѣйствуютъ ко благу, всѣ они производители — не капиталовъ — это слово недостаточно — счастія человѣческаго, для котораго производства, вещественныя и невещественныя, суть только средства.

Вотъ, ММ. ГГ., гдѣ скрывается источникъ того чувства наслажденія, которое мы ощущаемъ при видѣ юношей, коимъ наставники, избранные по благоразумію и волѣ старшихъ, образуютъ умы и сердца, просвѣщаютъ понятія науками, готовя гражданъ государству, членовъ семействамъ, споспѣшествователей общему благу. И усилія

наши, почтенные мои Сотоварищи, и попеченія ваши, почтенные Наставники, и трудъ вашъ, Юноши, оправданы; высокая цѣль предлежитъ всѣмъ намъ. Человѣчество только, вполнѣ взятое, можетъ достигнуть до желанной, великой цѣли сей, но въ насъ оно воспитываетъ само себя. Нѣтъ былія единаго въ мірѣ, которое въ цѣпи твореній было-бы безполезно. Каждый изъ насъ есть звѣно въ безконечной цѣпи сей, въ каждомъ изъ насъ отражается стремленіе, составляющее жизнь человѣчества, какъ отражается солнце въ зеркалѣ водъ, составленномъ изъ безчисленныхъ капель: въ сихъ каплях собственно отражаются лучи свѣта, хотя кажется блистаютъ они на одной зыбкой поверхности. Каждый изъ насъ живетъ общественною жизнью, но живетъ въ самомъ себѣ, и отъ того-то является любовь къ отечеству: отечество есть то мѣсто, въ которомъ ограничиваются наши дѣйствія; мы дорожимъ счастіемъ его, какъ дорожимъ благораствореннымъ воздухомъ родимыхъ мѣстъ. Сочувствовать счастію человѣчества можемъ мы не иначе, какъ въ самихъ себѣ, сочувствіе самого себя опредѣляется счастіемъ семейства, а счастіе семейства счастіемъ отечества, коимъ мы соприкасаемся человѣчеству.

Благо тому, кто совершенствуетъ самого себя, болѣе благо тому, кто дѣйствуетъ на счастіе большаго или меньшаго числа согражданъ, сверхъ семейства своего! Но счастіе цѣлаго отечества? Кто и гдѣ тотъ счастливый человѣкъ, чьи труды, попеченія и умъ могутъ распространяться на всю тебя, великая часть міра, Россія, могущая и славная страна? Гдѣ онъ, кому опредѣлено дѣла-

ми своими содѣйствовать счастію народовъ, живущихъ отъ краевъ Калифорніи до Карпата, отъ песковъ Зюнгоріи до льдовъ Новой Земли? Се Онъ, избранный Богомъ человѣкъ, се Онъ — Монархъ Россіи, къ Коему стремятся взоры и сердца наши! Царь Русскій! да благословитъ Тебя Провидѣніе на далекихъ берегахъ Истра, Тебя, извлекшаго мечъ на защиту чести земли Русской, попрясающаго твердыни Стамбула, и благотворящаго въ то-же время подданнымъ, дающаго имъ свободу мыслить, говорить и дѣйствовать, когда благо отечества, благо человѣческаго рода составляетъ предметъ ихъ словъ, помышленій и дѣйствій! Любовь народа лучшій перлъ вѣнца царскаго; сію любовь просвѣщеніе возраждаетъ; невѣжество раждаетъ только низкую лесть и раболѣпство. Счастливъ народъ просвѣщеніемъ — и любовь его не угаснетъ съ временною жизнію Твоею, Царь и Повелитель Россіи! она освѣтитъ память Твою въ вѣкахъ отдаленныхъ. » Хотите-ли сдѣлать народъ счастливымъ? любите его; хотите-ли, чтобы онъ любилъ васъ? просвѣтите его!“ Такъ говорила Великая Екатерина, такъ и Ты мыслишь, надежда-Государь: съ благоговѣніемъ соединяемъ мысль нашу съ Твоею мыслію, и вѣримъ, что потомство повторитъ наши благословенія!